

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИИ В ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1804–1874 гг.)

С.И. ЛИМАН

к.и.н., доцент кафедры истории Украины и музееведения
Харьковской государственной академии культуры

С.Б. СОРОЧАН

д.и.н., профессор кафедры истории древнего мира и средних веков
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

В статье рассматривается период зарождения и становления в украинских землях Российской империи научной византистики (1804–1874 гг.) – от открытия Харьковского университета до перехода в Одесский университет крупнейшего отечественного византиста Ф.И. Успенского. Хронологически византиноведческие исследования ученых Юга России охватывали все периоды существования Византии. Наибольший вклад в изучение истории Византии внесли Н.Н. Мурзакевич (политика Византии и Генуи в Крыму), А.П. Зернин (деятельность императоров Василия Македонянина, Константина Багрянородного и патриарха Фотия), Н.А. Лавровский (изучение русско-византийских договоров); В.С. Иконников (проблема культурного, конфессионального, политико-правового влияния Византии на Русь); епископ Порфирий (Успенский) (история афонских монастырей). В проблемном плане выделяются три большие группы исследований: краеведческие работы по истории тех территорий Юга России, которые входили в состав Византии; работы по истории византийско-славянских отношений; работы, посвященные внутривизантийской и церковной истории Византии.

«Москва – Третий Рим!» Эта неугасимая, словно «греческий огонь», доктрина еще со времен Ивана III то озаряла, то согревала, то жгла души не только царедворцев, но и простых русских людей и прочно вошла в сознание подданных необъятной Российской империи, хотя столицей ее и стал Петербург. Веская, как оружие цезарских легионов, незабвенная, как свергнутый со Святой Софии крест, снисходительная к прошлому и категоричная к будущему, она надежно связывала Второй Рим – Византию и Третий Рим – Государство Российское множеством политических, религиозных, культурных и научных уз.

Научная разработка проблем византийской истории началась в Российской империи с рубежа XVIII–XIX веков. В отечественной византистике этого времени и нескольких последующих десятилетий нашли свое отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – попытки оправдать концепцию «просвещенного абсолютизма» и доктрину «православие—самодержавие—народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений на проблему общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, ее исторических связях и положении в мировой истории»¹.

Указанные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для ее развития в отдельных регионах империи. Одним из таких регионов с богатыми, самостоятельными научными традициями был Юг России. Между тем вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует специальная работа, посвященная проблеме зарождения здесь научной медиевистики и тем более византистики. В работе Г.Л. Курбатова «История Византии (историография)» упоминаются лишь самые известные представители отечественной византистики. Часть их научного наследия рассматривалась иногда и при характеристике отдельных конкретных проблем. Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии Византии.

Подлинными византиноведческими центрами в украинских землях Российской империи практически с самого начала своего возникновения стали университеты. Первый из них – Харьковский – был открыт в 1804 году. За ним последовало открытие Киевского университета Св. Владимира (1834) и Новороссийского (Одесского) университета (1865). В 1874 г. в Одесский университет был переведен из Санкт-Петербурга крупнейший византист своего времени Ф.И. Успенский, который сумел поставить византистику региона на невиданную до него высоту. Таким образом, период от начала университетской византистики на Юге России до начала научной деятельности здесь Ф.И. Успенского составляет особый этап ее развития и определяет хронологические рамки статьи.

Первые работы, в той или иной мере посвященные византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования. Авторами их являлись представители самых разных наук – истории, философии, права. Наиболее ранней по вре-

¹ Курбатов Г.Л. История Византии (Историография). Л., 1975. С. 72–73.

мени создания следует считать работу профессора юриспруденции И.Ф. Тимковского (1772/73–1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф И.Ф. Тимковского, Н.В. Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же время (1808 г. – *С.Л., С.С.*) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское ученое общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение – нам не известно»². Подобная оценка работы харьковского ученого вполне позволяет говорить о ее высоком научном уровне. Прибавим к этому, что рассмотренная И.Ф. Тимковским тема влияния византийского законодательства на отечественное право во многом предопределила одно из направлений научных разработок отечественных византиноведов.

Уже в актовой речи харьковского адъюнкта философии И.М. Ланга «Об изучении юридических и политических наук» (1810) отмечалось огромное влияние во всемирной истории римско-византийского права. И.М. Ланг особо подчеркнул роль византийского императора Юстиниана I в кодификации этого права, у истоков которого, по его мнению, стояли римские юристы. «Всяк исполняется благоговения к сей законодательной мудрости, – указывал ученый. – Трон Римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побежденных»³. Впоследствии тема влияния византийского (римско-византийского) права на страны и народы Европы станет одной из ключевых в отечественной византистике, хотя в силу специфики предмета до сих пор остается уделом избранных специалистов⁴.

Другим направлением, которое со временем также делается традиционным, более того, получит наибольший расцвет, было изучение культурного влияния Византии на соседние государства. На эту тему в Харьковском университете успели высказаться уже современники И.Ф. Тимковского и И.М. Ланга – уроженец Германии Х.В. Роммель (1781–1859) и французский эмигрант А.А. Дегуров (А. Дю Гур) (1765–1849). В актовой речи «О преимуществе и силе истинного и со-

² Шугуров Н.В. Илья Федорович Тимковский, педагог нашего времени // Киевская старина. 1891. № 9. С. 406.

³ Ланг И.М. Об изучении юридических и политических наук // Речи, говоренные в торжественном собрании Харьковского университета 30 июня 1810 г. Харьков, 1810. С. 98–99.

⁴ См.: Харитонов Є. Історія приватного права Європи: Східна традиція. Оdesa, 2000. С. 176–227.

вершенного просвещения» (1811) Х.В. Роммель высоко оценил ту значительную роль, которую сыграли в истории европейского, прежде всего итальянского, Возрождения подданные погибающей Романии. «Убегающие и изгнанные греки, искусные во всех изящных науках» способствовали, по выражению Х.В. Роммеля, тому, что «греческие и римские умооткрытия чрез долгое время в целой Европе ...быв восстановлены, открыли прекрасный путь всем изящным наукам, и отверзли славнейшие и прозрачнейшие источники, из коих не токмо писания мужей мудрых и деяния героев, но и все, что древность редкого и так сказать божественных внушений исполненного ни заключает, почерпать и заимствовать можем»⁵. С такой оценкой византийского влияния на европейское Возрождение был солидарен и А.А. Дегуров. Об этом влиянии он высказался в актовой речи «О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812). Последний период существования Византии и разрушения ее турками-османами, «коим ни наука управлять, ни вкус к просвещению были не известны», привели, по словам ученого, к массовому исходу из нее «отличных в каждом роде художников», которые «приходят в Италию искать той тишины и спокойствия, кои необходимо нужны для занятий разума»⁶.

Таким образом, изначально можно заметить выделение тех основных направлений византиноведческих исследований, которые впоследствии получают дальнейшее развитие. Если не придавать значения некоторой официозности и историко-этнического, панславистского предубеждения к губителям Византии, особенно туркам, постановка научных проблем была намечена правильно. Однако в этих и в ряде последующих работ харьковских ученых византийская тематика не являлась преобладающей. Об истории Византии упоминалось лишь вскользь и, главным образом, в связи с правовыми и культурологическими вопросами. Социально-экономическая тематика здесь, впрочем, как и в невизантиноведческих штудиях, находилась в лучшем случае на задворках. Существенное воздействие на создание отечественных концепций византийской истории стало оказывать и многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788). Его попытка, к слову мастерски выполненная, представить

⁵ Роммель Х.В. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании Харьковского университета 30 августа 1811 г. Харьков. С. 49.

⁶ Дегуров А.А. О возрождении наук и перевесе, который они дали Европе перед прочими частями света // Собрание актовых речей Харьковского университета от 17 января 1812 г. Харьков, 1912. С. 43.

историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила распространение в курсах лекций и учебной литературе университетов Юга России. В этой связи становится понятно, почему в курсе лекций по истории средних веков известного и весьма талантливого харьковского историка М.М. Лунина (1806–1844), дошедших до нас в рукописи, которая обрывается рубежом XI–XII вв., полностью отсутствуют темы по истории Византии. Поразительно, но о ромейских завоеваниях М.М. Лунин говорит лишь в контексте тех войн, которые вели в VI в. новосозданные Вandalское и Остготское королевства. Назвав автократство Юстиниана I «знаменитым»⁷, ученый в то же время считал показательным самостоятельность полководца Велисария, который отказался подписать договор, предложенный императором остготам, и добился в 539 г. сдачи Равенны⁸.

Что же касается захвата византийцами Италии, то, по однозначному мнению М.М. Лунина, «...новая провинция не могла процветать под тяжестью Восточного деспотизма; притом безвременное вмешательство Юстиниана в церковные дела увеличило народное недовольство»⁹. В целом, вывод о реставраторской политике Византии в Италии был верен, но вместе с тем явный прогиббоновский антивизантизм М.М. Лунина перешел впоследствии в первый, изданный на Юге России, учебник по истории средних веков (1862) киевского ученого В.Шульгина. И хотя здесь, в отличие от курса М.М.Лунина, истории Византии посвящены два отдельных параграфа, они лишь увеличили резкость оценок автора и их объем. «Она прожила, или лучше сказать, проболела еще 1000 лет после падения Западной», – ставит свой диагноз Византии В. Шульгин¹⁰. «Вот картина византийской жизни: глубокий общественный застой и смертельная, но медленная, томительная болезнь составляют отличительные черты ее»¹¹. Автор даже не задумывался о том, как и почему могло длиться столь рекордно долгое «умирание» и не подталкивал своих учеников на по-

⁷ Лунин М.М. Лекции по истории средних веков (Отдел рукописей ЦНБ ХНУ. 505/с. Тетрадь 23. Л.12).

⁸ Там же. Тетрадь 25. Л.9.

⁹ Там же. Тетрадь 26. Л.2. Ср.: *Gibbon E.* The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. London, Vol.5; *Удальцова З.В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959. С. 439–494; *Она же.* Политика византийского правительства в завоеванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Ист.-фил. Серия. № 3. С. 23–27; *Она же.* Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // Советская археология. Т. 28. С. 318–326.

¹⁰ Шульгин В. Курс истории средних веков для воспитанников и воспитанниц средних учебных заведений. Киев, 1862. С. 95.

¹¹ Там же. С. 96.

иски факторов, поддерживавших жизненные силы Византии. Винить его в этом бессмысленно, ибо подобные мысли не скоро станут посещать даже крупнейших, наиболее дальновидных византинистов, которые предрекали обнаружение «принципиальных элементов, обуславливавших живучесть и развитие государства»¹².

Как бы то ни было, учебное пособие В. Шульгина увидело свет уже после того, как в европейской и отечественной науке стало известно фундаментальное исследование английского медиевиста Д. Финлея (Финли) «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 г.» (1854). Д. Финлею суждено было стать по сути первым крупным византинистом европейского масштаба, который аргументированно оспорил концепцию историков Просвещения, в том числе Э. Гиббона, о тысячелетнем упадке Византии. Но и помимо влияния Д. Финлея и до, и после него в отечественной византинистике с каждым новым десятилетием все более приобретало остроту стремление одних ученых – доказать, а других – как можно убедительнее опровергнуть утверждения Э. Гиббона.

Со времени выхода в 1808 г. сочинения И.Ф. Тимковского о законах Юстиниана прошло почти три десятилетия, прежде чем византийская тематика вновь стала предметом специальных, в том числе диссертационных, фундаментальных исследований. Эти исследования распадаются на три большие группы: 1) краеведческие работы по истории тех территорий Юга России, которые в свое время входили в состав Византийской империи; 2) работы по истории византийско-славянских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь; 3) работы, посвященные внутривизантийской и церковной истории Византии.

Несомненно, крупнейшей фигурой в разработке учеными Юга России краеведческой тематики был экономист, этнограф и историк П.И. Кеппен (1793–1864), уроженец Харькова, выпускник Харьковского университета со степенью магистра правоведения, в 1829–1834 гг. работавший, а с 1852 г. и до самой смерти проживавший в Крыму¹³. Он создал «наиболее полный для своего времени историко-археологический свод материалов о крымском средневековье», который, ввиду добротности, подчас уникальности выводов не утратил своего значения и в наши дни¹⁴. В эти «археологические и топо-

¹² Успенский Ф.И. К истории крестьянского землевладения в Византии // ЖМНП. 1883. Ч. 225. Январь. С. 33.

¹³ Б-о А. Кеппен (П.И.) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. 14 А (28). С. 946–947.

¹⁴ См.: Кеппен П. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837; Заморяхин А.В. Проблема истории крымских готов в историографии

графические сведения о южном Крыме» – «стране готов», которой в то время стали интересоваться многие специалисты, то и дело вплетались сюжеты, относящиеся к византийскому Херсону. Так, по мнению П.И. Кеппена, власть византийских императоров над Готфией существовала уже с V в., когда «готфы стали просить себе епископов из Константинополя», а «южный берег был населен христианами греческого исповедания»¹⁵. В укреплениях, здесь обнаруженных, ему виделась «систематическим порядком устроенная оборона», звенья которой стояли во «взаимном соотношении» – принципиально важный вывод, который принимается современными специалистами, но с оговорками и уточнениями¹⁶. Исследователь относил эти крепости примерно ко времени Юстиниана I, но необоснованно ссылаясь на трактат Прокопия Кесарийского «О постройках», который вместе с тем датировал достаточно точно – 562 год¹⁷. Побег из Херсона ссыльного византийского экс-василевса Юстиниана II во фруру Дорос исследователь без объяснения увязывал почему-то с 702 г., хотя он мог состояться уже в 698 г., с приходом к власти очередного узурпатора, Тиверия Аписмара, и полагал, ссылаясь на «Бревиарий» Никифора, что именно в это сторожевое укрепление беглец «пригласил к себе начальника хазаров», надо думать, самого хагана¹⁸. Тем самым он крепил историографическую легенду, заложенную уже С. Богушем-Сестренцевичем в самом начале XIX века¹⁹. Возвращение трона Юстинианом Ринотметом тоже было произвольно сдвинуто на два года раньше, чем оно произошло в действительности²⁰. Подробно пересказывая колоритную историю мести этого императора херсонитам, боспорянам и их соседям, П.И. Кеппен довольно близко следовал тексту византийского источника, но воспринимал его буквально, без каких-либо признаков исторической критики, соответствующих комментариям²¹. Наконец, создание фемы с центром в Херсоне было изображено лишь как «лишение права из-

конца XVIII – сер. XIX вв. // Куммуляция и трансляция византийской культуры. Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 42.

¹⁵ Кеппен П. Указ. соч. С. 60, 63.

¹⁶ См.: Кеппен П. Указ. соч. С. 45; См.: Сорочан С.Б. Око и щит Империи. Херсон к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. Симферополь, 2004. Вып. 5. С. 320–361.

¹⁷ См.: Кеппен П. Указ. соч. С. 53, 72.

¹⁸ См.: Там же. С. 58–59; 86, 87.

¹⁹ См.: Сорочан С.Б. У истоков мифов: С. Богуш-Сестренцевич о раннесредневековом Херсонесе // Куммуляция и трансляция византийской культуры: Материалы XI Науч. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003. С. 90–91.

²⁰ См.: Кеппен П. Указ. соч. С. 59, прим. С. 80.

²¹ См.: Там же. С. 87–90.

бирать себе начальников», то есть борьба центра с местным самоуправлением, и неопределенно отнесено ко времени «после 833 года»²². Впрочем, и после П.И. Кеппена этот вопрос будет пребывать примерно в том же положении еще около 150 лет²³. Учитывая тогдашний уровень отечественного византиноведения, показательно, что краеведческо-археологические изыскания и обобщение их результатов во второй трети XIX в. дали гораздо больше, чем историко-аналитическая часть таких трудов.

В 1839 г. ученые причерноморских губерний Российской Империи создают Одесское общество любителей истории и древностей (ООИД). Как говорилось в его Уставе, утвержденном Николаем I, «Общество возложило на себя обязанность распространять по возможности исторические и археологические сведения о Новороссийском крае и Бессарабии»²⁴. Это общество много сделало в период, предшествовавший открытию Новороссийского (Одесского) университета, для накопления и осмысления сведений о византийской эпохе в истории региона, публикаций об отдельных артефактах, преимущественно из области нумизматики и сфрагистики, а также переводов некоторых византийских источников, имевших отношение к Северному Причерноморью. Начиная с 1844 г., на страницах печатного органа Общества – «Записках Одесского общества истории и древностей» неизменно публиковались результаты подобной работы.

В 1844 г. действительным членом Общества стал его корреспондент, З.А. Аркас, грек по-происхождению, отставной военный моряк, капитан I ранга, который служил в севастопольском статистическом комитете²⁵. Он самозабвенно отдался изучению древностей из окрестностей Херсонеса и уже с 1841 г. по поручению главного начальника черноморского флота адмирала М.П. Лазарева начал составлять одно из самых ранних археологических описаний древнего города и его хоры на Гераклеяском полуострове²⁶. Труд вылился в содержательный очерк, появившийся на страницах «Записок»

²² Кеппен П. Указ. соч. С. 90.

²³ См.: Сорочан С.Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46.

²⁴ Брун Ф. Одесское общество истории и древностей, его записки и археологические собрания. Одесса, 1870. С.10; Шаманаев А.В. Деятельность Одесского общества истории и древностей по изучению Херсонеса // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 415–416.

²⁵ См.: Гриневич К.Э. Сто лет Херсонесских раскопок. Севастополь, 1927. С.12; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 18.

²⁶ См.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 517, 520.

ООИД, а позднее переизданный²⁷. Показательно, что средневековый период существования Херсонеса занимал основное место, видимо, в силу лучшей сохранности памятников именно этого времени, остатки которых еще можно было видеть без раскопок. Впрочем, обширная статья неслучайно попала в рубрику «География» – слишком много в ней было топографических описаний и планов, в качестве письменных источников фигурировали лишь Прокопий Кесарийский и Константин Багрянородный, а одна из ключевых исторических дат, приведенных автором, оказалась и вовсе не верна (гунны вторглись в Причерноморье и Крым не в 474 г.). Тем не менее З.А. Аркасу в целом удалось наметить в достаточно пространным очерке если не византийскую историю, то контекст некоторых ключевых вех этой истории применительно к Таврике. К таковым, в частности, автор причислял свержение в 695 г. императора Юстиниана II, которого сослали в Херсонес, поход против византийцев и крещение в Корсуне в 988 г. киевского князя Владимира, восстание херсонян против налоговой политики Михаила Дуки и т. д.²⁸ Среди причин, к XIV–XV вв. ускоривших падение Херсонеса, автор называл успешную торговую и дипломатическую активность генуэзцев, главных союзников Византии, – взгляд, очень долго, безоговорочно доминировавший в историографии и лишь недавно начавший подвергаться коррективке.

Этой работе предшествовал пробный опыт создания «Краткой истории древнего города Херсона», предпринятый одним из инициаторов ООИД, одесским историком, большим любителем археологии Н.Н. Мурзакевичем (скончался в 1883 г.), впрочем, опыт достаточно поверхностный, ориентированный лишь в малой степени на изучение византийского Херсона и оставшийся почти незамеченным отнюдь не только по причине небольшого объема книжки²⁹. Более основательным следует считать подробное исследование истории генуэзских поселений в Крыму тем же автором, поначалу ставшим секретарем, а с 1875 г. вице-президентом ООИД³⁰. Его труд вылился в докторскую диссертацию, которая базировалась как на итальянских, так

²⁷ См.: Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1848. Т. 2. С. 245–271; Аркас З.А. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. Николаев, 1879.

²⁸ См.: Аркас З. Описание Ираклийского полуострова... С. 249–251.

²⁹ См.: Мурзакевич Н. Краткая история древнего города Херсона. Б.м., 1836.

³⁰ См.: Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; Маркевич А. Состав императорского Одесского общества истории и древностей в 1839–1901 гг. // ЗООИД. 1902. Т. 24. С. 104.

и на византийских нарративных источниках (Георгий Кедрин, Никифор Григора и др.).

Начальной фазой уже не случайных, а оживленных византийско-генуэзских отношений Н.Н. Мурзакевич справедливо считал «ослабление Восточной Римской империи от внутренних раздоров противных партий, завоевание крестоносцами и потом разделение оной»³¹. Следствием этого и стал поиск генуэзцами новых средств ослабления главных своих соперников – активнейших участников разгрома Византии в 1204 г., венецианцев. «Одно из этих средств, – отмечал Н.Н. Мурзакевич, – должно было состоять в том, чтобы возвратить прежнему греческому царственному дому престол, отнятый латинянами»³². В истории византийско-генуэзских отношений автор особое значение придавал договору, заключенному в 1260 г. императором Михаилом Палеологом с уполномоченным от Генуэзской республики. Этот договор, даровавший генуэзцам помимо ряда торговых привилегий право свободного плавания в Черном море, Н.Н. Мурзакевич считал началом проникновения генуэзских предпринимателей в Анатолию, Восточное Причерноморье, а затем и в Крым, где возникла генуэзская Газария с наиболее мощными крепостями Каффа (Феодосия), Содайя (Судак), Чембало (Балаклава) и Воспоро (Керчь). По сути дела это перекликается с точкой зрения крупнейших медиевистов и византинистов, таких как С.П. Карпов, который тоже подчеркивал, что «в 1261 г. Нимфейский договор с Византией распахнул перед генуэзцами ворота в Черное море»³³. Тем не менее в указанной монографии С.П. Карпова фамилия Н.Н. Мурзакевича в списке литературы, а также при характеристике историографии вопроса не фигурирует. Крайне редко встречается она и на страницах трудов других исследователей, занимавшихся темой итальянского присутствия в черноморском регионе в поздневизантийский период³⁴.

³¹ Мурзакевич Н. История генуэзских поселений... С. 1.

³² Там же. С. 3.

³³ Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 90.

³⁴ См.: *Bratianu G.* Recherches sur le commerce Genoïse dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929; *Malowist M.* Kaffa – kolonia genuenska na Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Warszawa, 1947; *Бадян В.В.* Генуезька колонізація Північного Причорномор'я в історіографії дореформеної Русі // Питання історії народів СРСР. 1969. Вип. 6. С. 35–141; *Якобсон А.Л.* Крым в средние века. М., 1973. С. 110–128; *Balard M.* Byzance et les regions septentrionales de la Mer Noire (XIIIe – XVe siècles) // *Revue Historique*. 1993. Т. 288. № 1. Р. 19–38; *Еманов А.Г.* Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень, 1995; *Сорочан С.Б.* Доля італійських факторій у Криму // *Хроніка* 2000. Український культурологічний альманах. Київ, 2000. Вип. 33. С. 326–340.

Ценность докторской диссертации Н.Н. Мурзакевича в какой-то степени снижал тот факт, что автор ограничивался в ней, главным образом, историей Кафы, в которой видел прежде всего главный центр работорговли в Газарии. В то же время автор отверг бытовавшее в науке мнение о том, будто византийский император Михаил Палеолог подарил Кафу генуэзцам в награду за их поддержку³⁵. Ученый вовсе не склонен был идеализировать византийско-генуэзские отношения вокруг крымских владений. Он указывал и на позицию императора Андроника I, отказавшегося помогать генуэзцам в их борьбе против посягательств на Крым Венеции³⁶, и на действия генуэзского консула Кафы, Паоло Империаля, который в 1438 г. подчинил Крымскую армянскую церковь власти римского папы³⁷. Обреченность Византии, вскоре окончательно завоеванной турками-османами, не вызывала сомнений автора уже в силу того, что постановления Ферраро-Флорентийского собора встречали в Крыму одобрение многих представителей разных церквей. Между тем данные этого «конфессионального индикатора» не в полной мере задействованы и современными исследователями.

Кроме докторской диссертации о генуэзских поселениях в Крыму Н.Н. Мурзакевич занимался византийской нумизматикой и церковной археологией Крыма. Им, в частности, были открыты либо описаны некоторые памятники провинциальной византийской архитектуры. Среди них – церковь Св. Иоанна Предтечи в Керчи, периодизация строительства которой до сих пор остается в области научных споров. Н.Н. Мурзакевич не только установил, что «сама церковь, судя по наружному виду и внутреннему расположению, построена в X в.» (этот вывод находит подтверждение в современном анализе амфор из сводов храма), но и одним из первых изучил более раннюю греческую надпись – эпитафию на мраморной колонне церкви, которая может служить указанием на предшествующий храм, уже действовавший здесь в VIII веке³⁸. Последующие исследования позволяют согласиться с этой точкой зрения автора³⁹. Среди обнаруженных им находок особую ценность представляли также Евангелие на греческом языке XI в. и греческий Апостол XII или XIII века. Ему же принадлежит первая несовершенная, с налетом дилетантизма, но в целом

³⁵ Мурзакевич Н. История генуэзских поселений... С. 9.

³⁶ Там же. С. 20–21.

³⁷ Там же. С. 62–63.

³⁸ Мурзакевич Н. Некоторые подробности о церкви Св. Иоанна Предтечи в Керчи // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 625–626.

³⁹ Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. М.; Магнитогорск. 2002. Вып. 12. С. 523.

весьма полезная сводка сведений о херсоно-византийских монетах раннесредневекового времени, начиная с Юстиниана I, которая ляжет в основу будущих первых фундаментальных нумизматических исследований, каталогов П.О. Бурачкова, А.В. Орешникова⁴⁰.

Одним из наиболее значительных памятников византийской церковной архитектуры Крыма был базиликальный храм с мозаичными полами, открытый московским художником Д. Струковым в южнобережной деревне Партенит и впервые подробно описанный известным одесским краеведом Г. Карауловым. «Из всех открытых на южном берегу церквей, – отмечал Г. Караулов, – это первая церковь таких больших размеров и с такими довольно богатыми украшениями»⁴¹. Греческая надпись первой четверти XV в., найденная в храме, содержала в себе сведения о сооружении храма апостолов Петра и Павла архиепископом города Феодоро и всея Готфии Иоанном Исповедником и возобновлении в 1422 г. храма митрополитом города Феодоро и всея Готфии Дамианом. Г. Караулов в своей статье резонно заметил по этому поводу, что в византийских источниках эти иерархи нигде так не титулуются, а называются просто епископами Готфии без обозначения города Феодоро. «Вновь открытый теперь памятник, – подчеркивал автор, – может служить нам как бы указанием на то, что г. Феодоро был в это время первенствующим местом в крымской Готфии, что в нем была резиденция известных «готфских» князей (греков), правителей Готфии и находилась кафедра готфских иерархов»⁴². Важно, что автор не совместил упомянутого Иоанна Исповедника с известным из агиографии первой трети IX в. епископом Иоанном Готфским и, таким образом, не поставил знак равенства между обнаруженным партенитским храмом и житийным монастырем св. Апостолов Петра и Павла. Последующие исследователи отнеслись к этим свидетельствам менее критически, не заметили их вполне возможного расхождения, что объясняет проблему нестыковки данных археологических раскопок партенитского базиликального комплекса с данными агиографии⁴³.

⁴⁰ Мурзакевич Н. Херсонская монета императора Ираклия I // ЗООИД. 1879. Т. 11. С. 374–376; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) Киев, 1977. С. 6–7.

⁴¹ Караулов Г. Недавняя археологическая находка в Крыму (Древний христианский храм, открытый художником Струковым в д. Партенит, в октябре 1871 г.) // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 308.

⁴² Там же. С. 313.

⁴³ См.: Завадская И.А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс... канд. ист. наук / Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, 2000. С. 172; Она же. К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культовые памятники в мировой

После работ краеведческого характера вторую, гораздо более многочисленную группу византиноведческих работ рассматриваемого периода составляли исследования по истории византийско-русских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь. В данных исследованиях закладывалось рассмотрение как глобальных, так и более узких вопросов.

Решению одной из таких частных проблем была посвящена статья А.А. Черткова «О числе русского войска, захватившего Болгарию, и сражавшегося с греками во Фракии и Македонии в 967–971 гг.» (1844). В ней автор пытался аргументированно оспорить данные ряда византийских источников, явно преувеличивавших и общее число войск русов, совершавших походы против Византии, и, соответственно, количество их боевых потерь. Так, категорическое несогласие А.А. Черткова вызвали сведения Льва Диакона, сообщавшего, например, что в сражении под Адрианополем греки потеряли 25 человек, а русы – более 300 000 ⁴⁴. Для определения примерной численности войска Святослава А.А. Чертков воспользовался методическими приемами сравнительного анализа и попытался выяснить, насколько велики были ополчения русов во время их предыдущих войн с Византией. «Если руссы, – подчеркивал автор, – в половине IX в. могли на двухстах судах опустошить все окрестности Царьграда..., то и Святославу не нужно было более этого числа лодок для похода на Дунай, который гораздо ближе к Днепровскому лиману, чем Царьград»⁴⁵. На основании этого А.А. Чертков более реалистично определил численность войск Святослава примерно в 10 000 человек, хотя и не исключал доли правды в данных византийских авторов о том, что после завоевания Болгарии князь русов мог набрать вспомогательный отряд из болгар и нанять конные отряды венгров, чем заметно увеличил

культуре: археологический, исторический и философский аспекты. V международ. Крым. конф. по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 19–20; Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. Археологические исследования храма монастыря св. Апостолов Петра и Павла в Партените на Южном берегу Крыма // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 1999. С. 21–24; Адаксина С.Б., Кирилло В.П., Мыц В.Л. Работы Южно-Крымской археологической экспедиции // Отчетная археологическая сессия Гос. Эрмитажа. СПб., 2001. С. 19–26; Адаксина С.Б. Христианские древности Аю-Дага // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. Севастополь, 2002. С. 3; Адаксина С.Б. Аю-Даг – крымский Афон // Византия в контексте мировой истории. СПб., 2004. С. 6–8.

⁴⁴ См.: Чертков А. О числе русского войска, завоевавшего Болгарию и сражавшегося с греками во Фракии и Македонии в 967–971 гг. // ЗООИД. 1844. Т. 1. С. 169.

⁴⁵ Там же. С. 173.

свои силы⁴⁶. Статья А.А. Черткова стала, таким образом, одним из первых шагов на пути критического источниковедческого переосмысления данных византийских авторов, которые механически повторялись в отечественных учебниках и обобщающих работах. Среди авторов данных работ А.А. Чертков называл, в частности, Ломоносова, Татищева и даже Карамзина.

Еще более острую дискуссионную проблему, тематически при­мыкавшую к предыдущей, рассматривал в своей статье «Исследования о времени крещения святого и равноапостольного князя Владимира» (1853) другой член ООИД П. Хавский. Поход против византийцев и взятие Владимиром Корсуни (Херсона) автор реконструировал на основе данных Первой Псковской и Третьей Новгородской летописей. При определении же дня крещения князя Владимира П. Хавский сослался на обычай, существовавший, согласно Требнику, в греческой Церкви, а именно – давать окрещаемым имена святых, чей день приходился на восьмой день после крещения. «В 988 г. Пасха Христова была 8 апреля, – указывал ученый, – св. Василия, епископа Парийского, было 12 апреля, и св. Василия, епископа Амасийского, 26 апреля. По сему можно думать, что крещение св. Владимира, нареченного при сем церковном таинстве Василием, если не совершено в царственный праздник Светлого Воскресения, то за 7 дней того или другого Василия, около 10 или 17 апреля, или в один из этих дней»⁴⁷. То же наблюдение повторил архиепископ Иннокентий Таврический, современник П. Хавского, как кажется, более точно указавший на 5 или 19 апреля⁴⁸. Но, к сожалению, эти соображения не привлекли должного внимания историков, хотя они принципиально важны, ибо позволяют отказаться от возможности относить крещение Владимира к другому дню, когда, согласно греческим Евхологиям, мог состояться чин крещения, а именно, к Богоявлению (Епифании) 988 года⁴⁹.

На более широкой источниковедческой основе тема походов киевских князей против Византии была отражена в магистерской диссертации харьковского филолога Н.А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853). Указанная диссертация имела важное значение для воссозда-

⁴⁶ См.: Чертков А. Указ. соч. С. 179.

⁴⁷ Хавский П. Исследования о времени крещения святого и равноапостольного Великого князя Владимира // ЗООИД. 1853. Т. 3. С. 76.

⁴⁸ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 298.

⁴⁹ См.: Арранц М. Чин оглашения и крещения в Древней Руси // Символ. Париж, 1988. Т. 19. С. 96.

ния главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н.А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа»⁵⁰. Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях.

Лейтмотивом исследования харьковского ученого стало его утверждение о византийском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников»⁵¹. Для доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров, Н.А. Лавровский предпринял глубокий текстологический анализ. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырех частей, в каждой из которых ученый последовательно рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков может представлять главным образом первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н.А. Лавровским и не разрешенным до конца по сей день, был вопрос о характере соглашения, заключенного Олегом под стенами Константинополя в 907 году. Харьковский ученый нисколько не сомневался в том, что это – договор, причем договор «отдельный, самостоятельный, скрепленный с обеих сторон клятвою и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н.А. Лавровского в связи с этим совсем другой вопрос: почему договор 907 г., внесенный в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы... не вошел в формальный договор 911 г. и почти буквально повторен в договоре 945 года»?⁵² Для автора в данном случае все представлялось предельно ясно: так как при заключении договора 907 г. русские преследовали прежде всего «выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению, главным образом, и объяснялось отсутствие статей 907 г. в договоре 911 года. Больше затруднений вызы-

⁵⁰ Лавровский Н.А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. СПб., 1853. С. 1.

⁵¹ Там же. С. 4.

⁵² Там же. С. 5–6.

вал у автора вопрос: почему Олегов договор 907 г. почти без изменений вошел в договор 945 года? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал ученый, – скажем здесь только, что... договор 907 года был вполне самостоятельный, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств»⁵³.

Вас убедили эти предположения? Нас – нет!

Весьма расплывчатые формулировки Н.А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной историко-лингвистической базой относительно всего вышеизложенного он негласно оставлял историкам. На это своеобразное завещание откликнулось с течением времени довольно большое количество наследников, численности которых Н.А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. делятся до настоящего времени⁵⁴. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указывает, в частности, известный современный византист Г.Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)»⁵⁵. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди, считавшей договор 907 г. предварительным соглашением договора 911 г., тем не менее, в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление Г.Г. Литаврина дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счет: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключен договор между Русью и Византией также в 907 г., или не был заключен, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до

⁵³ Лавровский Н.А. О византийском элементе... С. 7.

⁵⁴ См.: Лонгинов А.В. Мирные договора русских с греками, заключенные в X в. Историко-юридическое исследование. Одесса, 1904; Левченко М.В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // ВВ. 1951. Т. 4. С. 105–126; Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 91–176; Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. М., 1980; Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988; Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994.

⁵⁵ Литаврин Г.Г. Византия. Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000. С. 65.

911 года»⁵⁶. Есть основания вести их отсчет по меньшей мере с начала 60-х гг. IX века⁵⁷.

Н.А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Аргументы становились все более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились еще «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия и которая появляется в эпоху полного развития гражданственности»⁵⁸. «Если же русские, — продолжал далее ученый, — сами не могли сообщить внешней форме своим договорам, то они могли получить ее только от греков». На основании приведенных им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокатты, Георгия Кедрина, Н.А. Лавровский убедительно доказал, что «внешняя форма, в какую облекали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров»⁵⁹.

Вторая и последующие части диссертации ученого были посвящены главным образом филологическим аспектам проблемы, которые мы, разумеется, опускаем. Наибольший интерес для нас здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н.А.Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, — продолжал далее ученый, — то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере»⁶⁰. В дальнейшем им была последовательно установлена зависимость синтаксиса языка договоров от греческого языка и доказано в ходе анализа сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н.А. Лавровскому еще раз подтвердить свою мысль о византийском влиянии на язык договоров. При этом ученый отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в

⁵⁶ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 426.

⁵⁷ См.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Харьков, 2001. С. 247–250.

⁵⁸ Лавровский Н.А. О византийском элементе... С. 8.

⁵⁹ Там же. С. 12.

⁶⁰ Там же. С. 15, 29.

самих статьях»⁶¹. Как известно, такое мнение разделяют и современные византинисты, углублявшиеся в препарирование филологии источников⁶².

Вклад Н.А. Лавровского в выяснение отношения текстов договоров русов к не дошедшим до нас греческим текстам, а также в их реконструкцию получил высокую оценку и признание современников. Во многом ученому удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке. При этом данная тема в равной мере интересовала как медиевистов и филологов, так и историков права. Примером подобного интереса может служить пробная лекция «О договорах русских с греками» (1870), прочитанная в Киевском университете Св. Владимира магистрантом юридического факультета В.В. Сокальским (1830–1896) для получения звания приват-доцента.

Для В.В. Сокальского, как для юриста, договоры русов с греками представляли в первую очередь интерес как источники сведений «о состоянии права в древний период нашей истории». Таким образом, киевский исследователь изначально преследовал иную цель, чем Н.А. Лавровский, хотя отвел ему место при рассмотрении историографии вопроса и даже назвал его труд «замечательнейшим» из сочинений филологического характера⁶³.

Цель пробной лекции и специальность В.В. Сокальского не помешали ему представить краткий исторический очерк возникновения договоров. В отношении уже упоминавшегося выше соглашения 907 г. ученый высказал мнение, сходное с высказываниями Пахмана и противоположное точкам зрения Эверса и Тобина, считавших это соглашение лишь предварительным к договору 911 года. Договор 907 г. В.В. Сокальский предлагал признать «вполне самостоятельным международным актом, восстанавливающим мир между воюющими сторонами и определяющим основания правильных торговых сношений Руси с греками»⁶⁴. Киевский ученый был солидарен с доводами Пахмана, утверждавшего, например, что предварительные соглашения никогда не подтверждались присягой и не назывались, как это говорилось в источниках, «свещанием». Таким образом, ему виделся в данном случае типичный полноценный византийский «договор мира и любви»⁶⁵.

⁶¹ См.: *Лавровский Н.А.* О византийском элементе... С. 155.

⁶² См.: *Malingoudi I.* Die russisch-byzantinischen Verträge... Thessaloniki, 1994.

⁶³ *Сокальский В.В.* О договорах русских с греками (Пробная лекция) // УИ. 1870. № 4. С. 1–2.

⁶⁴ Там же. С. 3.

⁶⁵ См.: *Дуйчев Ив.* Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров (IV–IX вв) // ВВ. 1959. Т. 15. С. 64–70.

Будучи юристом, В.В. Сокальский тем не менее использовал диссертацию филолога Н.А. Лавровского при характеристике формы договоров. Выводы В.В. Сокальского в данном случае почти дословно повторяют общие выводы харьковского слависта: «Форма договоров напоминает форму подобных дипломатических актов, заключенных греками с другими народами и вообще форму греческих государственных грамот. Кроме того и язык договоров прямо указывает на то, что они переведены с греческого; значит – форма греческая»⁶⁶.

И все же основная часть пробной лекции киевского ученого была посвящена не форме, а содержанию договоров. При этом В.В. Сокальского в первую очередь интересовали постановления, касающиеся международного права, в которых в наибольшей степени отразилось византийское влияние (о правилах пребывания в Византии русских купцов, о выкупе пленных, о бежавших рабах, об отмене берегового права). Так, постановление об отмене берегового права ученый считал чрезвычайно важным. «Оно, – по его мнению, – служило примером того влияния, которое народы цивилизованные постоянно имели на своих непросвещенных соседей»⁶⁷. В то же время основу уголовного права договоров ученый считал «чисто национально русской», а «влияние греко-римского права, – он полагал, – отразилось только на частностях, на понятиях об отдельных преступлениях, не изменив общих начал славяно-русского воззрения на преступление и наказание»⁶⁸. Доказав влияние византийцев на формирование у русов более четких представлений о международном праве и подчеркнув, что в гражданском и уголовном праве Руси греческое влияние выражалось гораздо слабее, ученый выразил в конце пробной лекции свою общую концептуальную мысль. «Договоры открывают, – отмечал он, – тот ряд близких сношений с Грецией, посредством которых проникла к нам христианская вера и римское право, имевшее такое громадное влияние на наш правовой быт... С договорами, наконец, является у нас действие греческой цивилизации и всех тех начал, которые угасающая империя восточных римских цезарей завещала зарождающейся империи новых цезарей востока»⁶⁹. Таким образом, тематически В.В. Сокальский отчасти коснулся той глобальной проблемы, которую уже активно исследовал в то время его коллега по Киевскому университету В. Иконников.

⁶⁶ Сокальский В.В. О договорах русских с греками... С. 6.

⁶⁷ Там же. С. 12.

⁶⁸ Там же. С. 19.

⁶⁹ Там же. С. 29.

Докторская диссертация В. Иконникова «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской историографии» (1869) охватывала довольно большой комплекс проблем. Среди них – возникновение ересей и эволюция системы образования в Византии, различные аспекты истории византийского и русского монашества, влияния византийского образования, церкви, права на культуру Руси и т. д. Поскольку ряд проблем, затронутых В. Иконниковым, но не отраженных им в заглавии диссертации, касался аспектов, не имевших к Византии прямого отношения, мы полностью опустим содержание третьей и четвертой глав, посвященных колонизации северо-восточной Руси и распространению там христианства.

Прежде чем оценить степень и формы культурного влияния Византии на Русь, В. Иконников представил сначала очерк истории образования в ранней Византии. В какой-то мере ему будет вторить в дальнейшем известный очерк В. Преображенского, остающийся до известной степени уникальным для отечественной византистики, хотя прямой переклички между ними не было⁷⁰. Такое первенство важно отметить, поскольку уже К. Крumbахер отмечал скудость сведений подобного рода в византийской литературе, что делает проблему изучения обучения в империи одной из самых сложных⁷¹. Среди факторов, непосредственным образом влиявших на ромейское образование, В. Иконников справедливо выделял еретическое движение, которое «в течение нескольких столетий... составляло преобладающее явление в умственной жизни Востока и Византийской империи»⁷². В полемике с еретиками особенную активность, по мнению автора, проявило монашество, чей политический вес в Византии неуклонно рос. При этом В. Иконников отмечал, что движение религиозных сект имело существенное положительное значение: «...В борьбе с еретиками восточная церковь выработала ту прочную догматическую систему, которая потом всегда в состоянии была отстоять ее самостоятельность, даже в то время, когда императоры из-за политических выгод готовы были пожертвовать религиозными интересами»⁷³. Это

⁷⁰ См.: Преображенский В. Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб., 1881.

⁷¹ См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches (527–1453). München, 1897. S. 591; См.: Самодурова З. Г. Школы и образование // Культура Византии. IV – первая половина VII вв. М., 1984. С. 478–503; Она же. Школы и образование // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 366–400.

⁷² Иконников В. С. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев., 1869. С. 22.

⁷³ Там же. С. 52.

важное наблюдение перекликается со взглядами некоторых последующих исследователей самого высокого уровня, что подчеркивает научную прозорливость диссертанта⁷⁴.

Одним из направлений культурного влияния Византии на Русь В. Иконников по вполне понятным причинам считал религиозный фактор. Но хотя греки и занимали длительное время высшие места в русской церковной иерархии, ученый не был склонен чрезмерно преувеличивать влияние Византии на русское общество в сфере образования. Из-за незначительного распространения на Руси древних языков первостепенное значение в образовании, по его мнению, приобретала переводная литература (труды отцов церкви, сочинения религиозно-нравственного характера и т.д.). Эти работы, как указывал автор, «сообщили русской жизни исключительно религиозное направление, сохранявшееся во все время древнего периода под преобладающим влиянием византийской литературы»⁷⁵. Отметим, что крупный современный византинист Г.Г. Литаврин так же признавал подобный факт, хотя и уточнял, что на Русь проникали как правило труды классиков религиозной ортодоксии раннехристианской эпохи, в то время как труды теологов-современников, живших в IX–XII ст. «в целом оставались на Руси неизвестными»⁷⁶.

Тот факт, что на Руси «направление умственной и нравственной жизни исходило от духовенства и преимущественно из монастырей», развивавшихся под непосредственным влиянием Византии, делал закономерным концептуальное заявление автора о своеобразном «монастырском характере» византийского образования на Руси. «В то время, — доказывал ученый, — когда Россия подчинилась влиянию Византии, господство религиозных идей достигло там полного апогея и монастыри давали направление обществу»⁷⁷. Среди подобных заимствований В. Иконникову виделись, в частности, основные положения домашней педагогики с «отрицательным взглядом на женщину».

Помимо вышеуказанных, исследователь рассматривал еще один важный аспект влияния Византии на Русь — аспект политический. «В течение продолжительного периода непосредственной зависимости России от Византии (998–1448) в церковном отношении, византийское правительство постоянно стремилось утвердить за собой поли-

⁷⁴ См.: *Hussey J.M.* Charch and Learning in the Byzantine Empire. 867–1185. Oxford; London, 1937; *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Paris, 1971.

⁷⁵ *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении... С. 61.

⁷⁶ *Литаврин Г.Г.* Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII вв.). СПб., 2000. С. 319.

⁷⁷ *Иконников В.С.* Опыт исследования о культурном значении... С. 225.

тическое влияние на Россию», – считал автор⁷⁸. Между тем тезису В. Иконникова об этом *постоянном* стремлении явно противоречит мнение Г.Г. Литаврина, считавшего, что с XII в., например, политика Византии в отношении Руси приобрела «маневренный и избирательный характер» и стала «разной относительно разных княжеств»⁷⁹. Показательно, что империя никогда не угрожала русам экспансией, крещеная Русь, одна из немногих соседей Византии, никогда не помышляла о захвате Константинополя, а ее независимые князья имели наиболее тесные связи с василевсами, никогда не покушаясь на их авторитет в христианском мире⁸⁰. В то же время, высказывания Г.Г. Литаврина о перенесении из Византии на Русь восточнохристианской концепции верховной государственной власти⁸¹ нисколько не противоречили одному из основных заявлений В. Иконникова о том, что на Русь новые понятия о верховной власти принесло византийское духовенство, а «теория светской власти утвердилась в обществе на византийских преданиях, духовном авторитете и источниках византийской письменности»⁸².

Общие выводы В. Иконникова относительно различных аспектов византийского влияния на Русь содержали в себе дифференцированный подход автора. Он полностью признавал влияние Византии в «религиозном установлении нравственных начал в русском обществе и в политической системе, в которой также преобладала религиозная основа», но в то же время считал, что «нельзя сказать в таком обширном смысле об образовательном влиянии Византии в научном отношении»⁸³. Среди перечня причин подобного явления ученый на первое место поставил следующий фактор: «В то время, когда Россия подчинялась влиянию Византии, образованность последней находилась уже в упадке»⁸⁴. Об этом упадке историк судил уже по сообщениям византийских авторов XII в. (Анны Комнины, Евстафия Солунского и др.), путая его с кризисом имперской системы власти. Между тем крупнейший современный специалист в области византийской

⁷⁸ См.: Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении... С. 296.

⁷⁹ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 498.

⁸⁰ См.: Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971. P. 201–286; Chrysos Ev. «Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?» // The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow. Thessaloniki, 1992. P. 233–245; Литаврин Г.Г. Геополитическое положение Византии в средневековом мире в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 11–47.

⁸¹ Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 477.

⁸² Иконников В.С. Опыт исследования о культурном значении... С. 369.

⁸³ Там же. С. 509.

⁸⁴ Там же. С. 561.

культуры А.П. Каждан отмечал, что «XI и XII вв. были... временем существенных культурных сдвигов... подъема образованности и роста научных знаний»⁸⁵. Именно на это время пришелся апогей интереса к сохранившемуся античному знанию, гуманизация исторической мысли, в искусстве утверждалось светское направление, пика достигло развитие эстетической мысли, оказавшей существенное влияние на художественную практику той же Руси⁸⁶.

На противоречивость ряда выводов В. Иконникова указывали уже его оппоненты-современники. При этом в ряде случаев критика носила неоправданно агрессивный характер и не смогла по достоинству, не предвзято оценить всей научной грандиозности попытки, предпринятой киевским ученым. В частности, автором наиболее острой критической статьи под инициалами «В.К.» оказался, по некоторым данным, знаменитый историк России В. Ключевский. Справедливости ради нужно сказать, что он оценивал работу В. Иконникова главным образом как исследование русских монастырей, которым полностью были посвящены две из десяти глав обширной диссертации.

Критическая статья «В.К.» послужила началом ожесточенных споров в Совете Киевского университета и стала причиной довольно острой, хотя и вполне академической, журнальной полемики. Откровенно непримиримую позицию по отношению к труду В. Иконникова занял известный медиевист В.А. Бильбасов, специалист по западноевропейской средневековой культуре. Он неоднократно заявлял, что считает преждевременным возведение своего коллеги в звание экстраординарного профессора⁸⁷. В.А. Бильбасов указывал при этом не только на негативный отзыв «В.К». В собственном разборе он выделил как ошибочные и ненаучные выводы В. Иконникова о том, что влияние византийской образованности на Русь распространилось из византийских монастырей и потому эта образованность может называться монастырской⁸⁸. Критически В.А. Бильбасов отозвался и об отборе автором источников, о способах работы с ними автора, о противоречивости ряда выводов о степени влияния Византии на русскую

⁸⁵ Каждан А.П. Византийская культура (X–XII вв.). СПб., 1997. С. 237.

⁸⁶ Литаврин Г.Г. Заключение. Особенности развития культуры Византии во второй половине VII–XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. СПб., 1999. С. 619–634.

⁸⁷ См.: Протоколы заседаний Совета университета Св. Владимира 22 ноября и 5 декабря 1869 г. // УИ. 1870. № 2. С. 39–40; Особые мнения проф. Селина, Бильбасова и Цехановского, в приложение к протоколу 19 декабря 1869 г. в заседании Совета университета Св. Владимира // УИ. 1870. № 3. С. 54.

⁸⁸ См.: Особые мнения... С. 56.

культуру и т.д. «Такие ученые приемы г. Иконникова, – категорично высказывался В.А. Бильбасов, – необходимо должны были привести и действительно привели его к заключениям, нисколько не соответствующим современному уровню исторической науки вообще и науки русской истории в особенности»⁸⁹.

К чести университетского Совета, его большая часть сочла эти замечания предвзятыми. В. Иконников выступил в печати со своими возражениями и разъяснениями и на рецензию «В.К.»⁹⁰, и на отзыв В.А. Бильбасова⁹¹. Несмотря на эмоциональный тон, диссертанту удалось доказать, что труд его не является специальным исследованием по истории русских монастырей, как решил «В.К.», а поскольку отрицательное мнение В.А. Бильбасова сложилось в первую очередь под влиянием этой рецензии, В. Иконникову нетрудно было повторить подобные контраргументы и своему коллеге по факультету.

Факультет вскоре остался без В.А. Бильбасова. Покинул ли он Киев из-за шумного конфликта вокруг диссертации В. Иконникова или по какой-то иной причине – ответ на этот вопрос еще ждет своего беспристрастного исследователя.

В рассматриваемый период ученые Юга России не ограничивались изучением влияния Византии на одну только Русь. Попытка более широкого географического охвата проблемы была предпринята выпускником историко-филологического факультета Киевского университета А.К. Завадским-Краснопольским (1841–1889) в его работе «Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе» (1866). Г.Л. Курбатов причислил ее к «первым исследовательским работам», ставившим своей целью «определить общее влияние Византии на развитие европейской культуры и истории»⁹². Нисколько не возражая против второй части данного мнения, мы в то же время не можем безоговорочно согласиться с его первой частью. Сочинение 25-летнего факультетского выпускника следует считать не столько исследовательской, сколько научно-популярной работой. Она являла собой сплошной, хотя и умело составленный цитатник, изначально подчиненный заданной цели, означенной в заглавии. К тому же под Европой автор подразумевал прежде всего славянский

⁸⁹ Особые мнения... С. 66.

⁹⁰ См.: *Иконников В.С.* Разбор рецензии В.К. на «Исследования о главных направлениях в науке русской истории в связи с ходом образованности» // УИ. 1870. № 1. С. 1–33; № 2. С. 1–47.

⁹¹ *Иконников В.С.* Возражения на рецензию г. Бильбасова о сочинении «Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории» // УИ. 1870. № 5. С. 1–56.

⁹² *Курбатов Г.Л.* История Византии (Историография). Л., 1975. С. 78.

мир и мало интересовался оценкой отношений византийского Востока с христианским, латинским Западом. Прибавим к этому, что ссылки и цитаты (нередко по три на предложение) были сделаны автором в абсолютном большинстве случаев не на источники, а на специальную научную литературу (работы Гизо, Вебера, Кудрявцева, Лорана, Шафарика и т.д.). Таким образом, в силу почти полного отсутствия источников, реферативный труд А.К. Завадского-Краснопольского не может считаться по-настоящему научным исследованием.

Необходимо подчеркнуть, что и общая концепция автора приходила порой в противоречие с некоторыми из его же выводов. «Перечитывая историю Византии, — отмечал А.К. Завадский в духе Гиббона, — мы видим, что тот же недуг, который привел к падению западной империи, развился и здесь; только язвы, причиняемые им, были гораздо тяжелее язв, уничтоживших запад». Среди этих губительных «язв» автор выделял «бездарность и жестокость деспотов», «угнетенное состояние народа», религиозные противоречия, внутреннюю борьбу, внешние вторжения⁹³. Столь унылая, полная безысходности картина, отказывавшая в уме и энергии ромеям, казалось бы, если и не перечеркивала, то минимизировала возможности византийцев пересадить на чужую почву плоды своей культуры и желание европейцев развить у себя подражательный рефлекс. Однако в сочинении А.К. Завадского представлена совсем иная картина: Византия активно распространяет свое влияние у восточных и южных славян. «Постоянная и тесная связь русской церкви с греческой поддерживала религиозное просвещение в России, — подчеркивал историк. — Вообще, в период до нашествия монголов, влияние Византии на Русь было слишком велико: Россия как бы составляла одну из провинций Византии, откуда к нам приходило все необходимое для устраивавшего государства; в религиозном отношении Византия была начальницей Руси, а в умственном — наставницей»⁹⁴. Впрочем, в целом, это было заявлено в духе указанных выше выводов В. Иконникова с той же гипертрофией представлений о некой «вассальности» политического статуса Руси после принятия ею христианства из рук ромейских священников.

Там, где Византия не могла влиять на другие страны в конфессиональной области (например, на Западе), она, по словам автора, делала это посредством византийско-римского законодательства. Тем самым автор справедливо не настаивал на резком отчуждении грече-

⁹³ См.: *Завадский-Краснопольский А.К.* Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе. Киев, 1866. С. 41–42.

⁹⁴ Там же. С. 79, 82.

ского и латинского миров, на отсутствии между ними какого-либо взаимообогащения, что подчеркивается и современными историками⁹⁵. По его мнению, в наибольшей степени византийское право распространилось в IX–X вв. среди славян, в том числе и на Руси. Здесь «византийские юридические сборники, – утверждал А.К. Завадский, – послужили основанием для позднейших русских», в числе коих он, в частности, называл и Судебник Ивана Грозного⁹⁶. Вместе с тем им было не замечено то огромное византийское влияние, которое испытала в первую очередь Италия в области права в конце VI – начале VIII вв. (своды и эпитомы частей *Corpus juris civilis*, их парафразы в лангобардских землях), а также позже (знакомство с Эклогой, Прохироном, Василиками, пособиями по изучению византийского права), вплоть до открытия и распространения после 1080 г. полной латинской редакции *Corpus juris civilis*, после чего изучение Юстинианова права становится обычным занятием на Западе в эпоху возникновения университетов⁹⁷.

Вместе с тем автор подчеркивал влияние византийской Церкви на деятельность европейских реформаторов, а глубинные причины гуситского движения в Чехии объяснял любовью чешского народа «к церкви, утвержденной в Чехии св. Мефодием», и следствием развязки вековой борьбы «между римскими и византийскими началами»⁹⁸. Но если тезис о «православно-византийском» влиянии на чешский народ следует признать определенным преувеличением, нельзя не согласиться с той высокой ролью, которую А.К. Завадский отвел Византии в зарождении европейского Ренессанса и складывании абсолютной монархии. «Знакомство с Византией, – отмечал он, – вдохнуло новую жизнь во все отношения западного общества; это же знакомство способствовало к централизации государственной власти»⁹⁹.

Государственная власть, ее формы, ее церковная политика в Византии, а также состояние самой византийской Церкви, иначе говоря, внутренняя история Византийской империи, составляла третью

⁹⁵ См.: Уколова В.И., Бородин О.Р. Византия и Запад: культурные отношения в VII–XII вв. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 105–139.

⁹⁶ См.: Завадский-Краснопольский А.К. Влияние греко-византийской культуры... С. 93–94.

⁹⁷ Подробнее см.: Brandileone F. Italia Byzantina: la sua importanza nella storia del diritto italiano. Roma, 1931; Бородин О.Р. Памятники права в Равеннском эхзархате // Византийские очерки. М., 1991. С. 45–59; Уколова В.И., Бородин О.Р. Византия и Запад... С. 127–130.

⁹⁸ Завадский-Краснопольский А.К. Влияние греко-византийской культуры... С. 106.

⁹⁹ Там же. С. 125.

большую группу исследований рассматриваемого периода. Труды по данной тематике были особенно многочисленны и разнообразны – от политических портретов византийских правителей до выяснения догматических особенностей греко-православной Церкви.

К числу работ, посвященных исключительно воссозданию политических портретов ранней Византии, принадлежал очерк одесского историка Р.В. Орбинского (1834–1892) «Византийские женщины» (1859). Написанный на основе данных многочисленных нарративных источников, в том числе таких значительных как Прокопий, Феофан, этот очерк, по замыслу автора, должен был быть посвящен жене Юстиниана I, императрице Феодоре, и жене прославленного византийского полководца Велисария, Антонине. По сути же читателям «Южного сборника» ученый вместо двух представил сразу четыре портрета – наряду с похождениями Феодоры и Антонины Р.В. Орбинский остановился также на биографии их мужей.

Автор явно находился под влиянием гиббоновских идей и говорил о Византийской империи как о «чумном, отравленном до самого основания теле». Представить «краткий эпизод из истории этого разложения» – так тенденциозно определял он цель своего очерка¹⁰⁰.

Однако, несмотря на то что скандальные, подчас анекдотичные перипетии жизни Феодоры и Антонины, бывших одно время подругами, как нельзя более попадали под определение «разложение», ученый критически подходил к сведениям Прокопия, обвинявшего Феодору в разврате еще с детских лет. «Двуличность и ненадежность его [Прокопия. – С.Л., С.С.] как исторического свидетеля, – отмечал ученый, – высказывается в слишком многих противуречиях, чтобы не могли ему противопоставить отрадного в этом случае сомнения»¹⁰¹.

Собственное прочтение византийских источников и соответствующая корректировка содержащихся в них сведений позволили Р.В. Орбинскому говорить о Юстиниане как о правителе, в котором было мало твердости и который легко подчинялся чужому влиянию. По этой причине доминирующую роль в истории ромейской монархии эпохи Юстиниана ученый отводил именно Феодоре: «Можно сказать, что пока она оставалась в живых, в ней находился центр тяжести Византийского правления», а «во всех замечательных распоряжениях Юстиниана она является главным действующим лицом»¹⁰².

¹⁰⁰ См.: Орбинский Р.В. Византийские женщины // Южный сборник, издаваемый Н.Максимовым. 1859. № 3. С. 166.

¹⁰¹ Там же. С. 169.

¹⁰² Там же. С. 175–176.

Современным исследователям в Юстиниане видится несколько иной политический типаж первого лица империи, гораздо более своевольный, но в отношении Феодоры и ее многостороннего влияния, претензий на собственную политику вплоть до смерти, последовавшей от рака в 548 г., сомнений практически нет¹⁰³.

Несмотря на изнурительные внешние войны, внутреннюю опасность для империи и для самой императорской четы Р.В. Орбинский все же считал преобладающей. Он был недалек от истины, когда писал: «При господствующем образе мыслей и склонностях Византийского народа самые важные затруднения могли возникнуть из богословских споров... К вопросу о вере в Византийской империи примыкало все остальное... Не меч Амру и Омара отторг от Византии лучшие провинции – Сирию и Египет, а недовольство монофизитов господством православия»¹⁰⁴. В самом же Константинополе источником опасности для императорской власти Р.В. Орбинский считал партии или фракции болельщиков цирка, ипподрома. При этом автор нисколько не сомневался в их важном политическом и религиозном значении.

Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который продолжает оставаться дискуссионным и в современной византистике. Так, британский исследователь А. Камерон считал цирковые димы не партиями, а лишь клубами спортивных фанатов, таким образом, отказывая им в какой бы то ни было роли в социально-политической истории Византии¹⁰⁵. Подобную точку зрения полностью отвергает А.А. Чекалова. В своей монографии «Константинополь в VI в. Восстание Ника» она утверждает, что партии цирка были «важным фактором в социально-политической жизни византийского города»¹⁰⁶. И хотя Р. В. Орбинский не акцентировал внимания на социальном составе членов цирковых группировок, в целом, его точка зрения на ранневизантийские димы как на действенные, долго сохранявшие свое влияние религиозно-политические организации, может считаться вполне традиционной, более того, выдержавшей проверку временем¹⁰⁷.

¹⁰³ См.: *Grabar A. L'age d'or de Justinien*. Paris, 1966; *Browning R. Justinian and Theodora*. 2 nd ed. London, 1975.

¹⁰⁴ *Орбинский О.Р.* Византийские женщины... № 3. С. 176, 178–179; См.: *Frend W.H.C. The Rise of the Monophysite Movement*. Cambridge, 1972.

¹⁰⁵ См.: *Cameron A. Circus Factions. Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford, 1976. P. 1–3.

¹⁰⁶ *Чекалова А.А.* Константинополь в VI в. Восстание Ника. СПб., 1997. С. 152.

¹⁰⁷ Ср.: *Manojlovic G. Le peuple du Constantinople de 400 à 800 après J.S.* // *Byzantion*. 1936. Vol. 11. Fask. 2. P. 617–716; *Jarry J. Heresies et factions a Constantinople du Ve an VIIe siecle* // *Syria*. Paris, 1960. T.37. Fask. 3–4. P. 348–371; *Vryonis Sp. Byzantine dimokratia and the Guilds in the Eleventh Century* // *DOP*. 1963. № 17. P. 287–314.

Более существенные расхождения у А.А. Чекаловой с Р.В. Орбинским обнаруживаются в другом: нигде в монографии российской византистки, за исключением знаменитой речи императрицы во время восстания никатов, мы не встречали указаний на то, что Феодора управляла своим мужем. В то же время и у Р.В. Орбинского, и у А.А. Чекаловой содержится вполне одинаковая оценка гибкой политики Юстиниана в отношении монофизитов, которым и открыто и скрыто покровительствовала Феодора¹⁰⁸. Эта точка зрения расходится с представлениями историков, считающих компромиссные действия императора на религиозной почве исключительно неэффективными, а все усилия по водворению единства в Церкви бесплодными¹⁰⁹.

И все же, несмотря на стремление очистить сомнительную репутацию Феодоры от некоторых свидетельств ее современников и показать ее в ряде случаев менее порочной, чем Антонину, Р.В. Орбинский сделал по результатам подавления восстания Ника в целом неутешительный категоричный вывод в отношении всего правления императорской четы: «Общество, терпевшее во главе своей женщину, подобную Феодоре, было лишено возможности развивать сильные и вместе с тем благородные характеры»¹¹⁰. Иные женские типажи не были приняты во внимание в этом одностороннем заключении, больше похожем на приговор.

Заметной фигурой в византистике своего времени был профессор Харьковского университета А.П. Зернин (1821–1866). Воспитанник Петербургского главного педагогического института, он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже вполне сформировавшимся византистом он прибыл в Харьковский университет, где проработал с 1847-го по 1863 год. Отметим также, что в течение трех лет (1859–1862) А.П. Зернин был деканом историко-филологического факультета. Он оказался первым ученым в украинских землях Российской империи, который ввел в учебный процесс специальные курсы, посвященные отдельным вопросам византийской истории. Отдельные новаторские подходы А.П. Зернин обнаруживал и в своих научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлеченных им исторических источников. По сути дела, им был залож-

¹⁰⁸ См.: *Орбинский Р.В.* Византийские женщины... № 4. С. 209; *Чекалова А.А.* Константинополь в VI в... С. 177.

¹⁰⁹ См.: *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 165–167.

¹¹⁰ *Орбинский О.Р.* Византийские женщины... № 4. С. 217.

жен новый подход, наметивший исток будущих успехов отечественной византинистике, ставших особенно явственными с последней трети XIX века.

За время работы в Харьковском университете ученый подготовил три больших научных очерка: «Император Василий I Македонянин» (1854), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858). Преждевременная смерть, ставшая следствием сильного переутомления и почти трехлетнего сумасшествия, не позволила А.П. Зернину осуществить все свои научные замыслы, которые несомненно вывели бы его в лидеры тогдашней украинской византистики.

Общее, что объединяло все работы ученого, — точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым преобладающим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, продержавшейся свыше полутора столетий.

А.П. Зернин весьма высоко оценил в своем очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I». Подчеркивая роль василевса как законодателя, ученый утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником¹¹¹.

А.П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византинистов, показательно, что до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним¹¹². Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, выступившего на полвека раньше остальных. Много сделал ученый и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского

¹¹¹ Зернин А.П. Император Василий I Македонянин. Б. м., 1854. С. 37.

¹¹² См.: Васильев А. Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ. 1906. Т. 12; Vogt A. Basile I-er empereur de Byzance. Paris, 1908; Adontz N. L'age et l'origine de l'empereur Basile I // Byzantion. 1933. Т. 8; 1934. Т. 9; Moravcsik Gy. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // DOP. 1961. № 15.

изложения научная работа А.П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия до его восшествия на престол напоминают подвиги Геракла. При этом гипертрофированный научный интерес А.П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к ее соседям-болгарам. В высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелегкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели их добродетелям, А.П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его [Василия. – С.Л., С.С.] торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»¹¹³. Едва ли комплот неграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императора-пьяницы, да и сам изворотливый претендент на трон мог претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А.П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы византийского самодержавия. Высокий профессионализм источниковеда-исследователя, продемонстрированный здесь А.П. Зерниным, в еще большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константина Багрянородном.

Как и в первом сочинении, ученый проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам император получил в работе А.П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, – писал ученый, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесен к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»¹¹⁴.

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и

¹¹³ Зернин А.П. Император Василий I Македонянин... С. 50.

¹¹⁴ Зернин А.П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. Харьков, 1858. С. 8.

сопровителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом при очевидных симпатиях А.П. Зернина к герою своего очерка и неприязни к противнику такового стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно¹¹⁵.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Подобное предпочтение А.П. Зернин объяснял тем, что на основании именно этого труда «мы можем судить, как понимал свое государственное значение Константин и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»¹¹⁶. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А.П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приема ученого, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нем одушевляющей силы»¹¹⁷. Между тем Г.Г. Литаврин в предисловии к отечественному изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византист не только считал, что Константин «в сущности продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А.П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего¹¹⁸. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византинистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительства, развитие культуры. Впрочем, пред-

¹¹⁵ Ср.: *Brokkaar W.G. Basil Lecapenus. Byzantium in the Tenth Century // Studia byzantina et neohellenica. Leiden, 1972. P. 199–224.*

¹¹⁶ *Зернин А.П. Жизнь и литературные труды... С. 83.*

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ См.: *Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 20, 23.*

взятая точка зрения в отношении Константина VII – правителя, у истоков которой стоял А.П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византинист не был одинок в своих заблуждениях, зиждившихся на некритическом прочтении источников¹¹⁹.

Серию изданий А.П. Зернина о византийской истории продолжил его биографический очерк патриарха Фотия. От характеристики государственных деятелей Византии и их трудов ученый перешел, таким образом, к изучению византийской Церкви, в данном случае – одного из наиболее интересных и важных ее периодов. А отсутствие к тому времени в историографии специальных работ, посвященных патриарху Фотию, делало его труд еще более актуальным. По меньшей мере еще несколько десятилетий он будет оставаться пионером в данном, намеченном им направлении исследований¹²⁰.

Антизападные и антикатолические высказывания А.П. Зернина явно отражали настроения российского общества, только что пережившего неудачную Крымскую войну. Впрочем, стремление противопоставить православную Византийскую империю католическому Западу не являлось доминирующей целью рассматриваемой работы. Первая и главная задача А.П. Зернина заключалась в том, чтобы раздобыть ценнейший исторический материал, а именно – обильное эпистолярное наследие патриарха Фотия. В этом смысле данная монография ученого более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А.П. Зернина буквально пестрят цитатами из различных документов; некоторые письма приводятся целиком и вместе с пространными комментариями занимают по несколько страниц. Публикация подобных письменных памятников представляет огромный интерес уже не столько для изучения жизни и деятельности высокоученого патриарха, сколько для воссоздания объективной картины политической борьбы в империи, взаимоотношений между римско-католической и греко-православной церквями во второй половине IX столетия.

¹¹⁹ Ср.: *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and His World. London, 1973. P. 1–14; *Gregory T.E.* The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // *Actes du XVe Congres International des Etudes Byzantines.* 1980. Vol. 4. P. 122–190.

¹²⁰ См.: *Иеромонах Герасим (Яред).* Отзывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. СПб., 1874; *Лебедев А.П.* История разделения церквей. М., 1900. С. 51–64; *Bury J.B.* History of the Eastern Roman Empire, From the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802–867). London, 1912. P. 180–209; *Россейкин Ф.М.* Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. Сергиев Посад, 1915.

Много места в очерке уделено и личным столкновениям Фотия с папой Николаем I. «Вооружаясь против папы, — подчеркивал историк, — Фотий не имел в виду действовать от своего лица». Все усилия патриарха были обусловлены, по мнению А.П. Зернина, необходимостью защитить Восточную церковь, и личной враждебности к Риму у него не было¹²¹. Это во многом совпадает с точкой зрения такого признанного авторитета по вопросу о Фотиевой схизме, как Фрэнсис Дворник, который, впрочем, едва ли был знаком с трудом А.П. Зернина¹²².

Подводя итог многообразной деятельности духовного главы Константинополя, ученый отмечал: «Противодействуя непомерным притязаниям пап, цареградские патриархи постоянно смотрели на Фотия как на образец поборника и защитника древних уставов церкви. Неудивительно после этого, что латинские писатели и по настоящее время смотрят на него как на виновника разделения церквей. Он действительно был виновником разделения в том смысле, что поставил непреодолимую преграду стремлениям Рима к главенству над восточной церковью. Видя невозможность осуществления своих планов, папы отделились, завещав своим преемникам и своей церкви вечную и непримиримую ненависть к Фотию»¹²³. Таким образом, реабилитируя Фотия, А.П. Зернин разделение Церквей весьма оригинально поставил ему в заслугу, а папству — в вину.

Иные взаимоотношения Западной и Восточной церквей более раннего периода реконструировал профессор Киевской Духовной академии В.Ф. Певницкий (1832–1911). Занимая кафедру церковной словесности (гомилетики), он обращался в своем научном творчестве к анализу церковного образования, философской и религиозной мысли. Примером могут служить его очерки, объединенные общим названием «Из чтений по истории христианской литературы» (1864). Хронологически они охватывали V–VI вв., которые из-за варварских вторжений были, по словам автора, столетиями «склонения и ослабления умственного и литературного гения»¹²⁴. Лучшими школами этого периода исследователь считал старые школы Афин и Александрии, но отмечал при этом, что они принадлежали ученым язычникам, мыслителям, близким к магам, тайноведению, а их наиболее знаме-

¹²¹ См.: Зернин А.П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия. М., 1858. С. 57.

¹²² Dvorník F. The Photian Schism: Hystory and Legend. Cambridge, 1948.

¹²³ Зернин А.П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия... С. 85.

¹²⁴ Певницкий В. Из чтений по истории христианской литературы. Состояние просвещения и направления умственной деятельности в V и VI вв. (430–604) // ТКДА. 1864. № 3. С. 292.

нитые преподаватели являлись приверженцами неоплатонической философии. В.Ф. Певницкий вскрыл диалектическую суть неоплатонизма, его отличия от платонизма и показал его наиболее ярких представителей (Ямвлих, Прокл Диадох, Фемистий, Аммоний и др.), не сведя их занятия только к мистическому тайноведению, как было принято делать у ученых гиббоновского направления¹²⁵. Следует признать достаточно обоснованным и то объяснение, которое дал автор репрессивной политике Юстиниана I в отношении представителей неоплатонизма, являвшихся, по его мнению, опорой язычества и врагами христианства. Считая отказ от платонизма и борьбу против него естественным в тех исторических условиях, В.Ф. Певницкий показал связь, существовавшую между философией неоплатонизма и происхождением ересей в христианстве, что отчасти объясняет столь бурное проявление последних в ранневизантийской империи¹²⁶. Центром наиболее напряженной умственной борьбы он считал раздираемую этническими и конфессиональными конфликтами Александрию, отмечая при этом, что «на Западе слабые философские стремления были отражением греческих умозрений»¹²⁷.

Более подробно этот тезис ученый попытался развить в серии своих очерков о гомилетике и проповеднических трудах римского папы Григория Двоеслова. Эти очерки составят затем его главный труд – докторскую диссертацию «Св. Григорий Двоеслов, его проповеди и гомилетические правила» (1872). И хотя основная часть этого большого сочинения была посвящена Западной церкви, в нем существенное место уделялось религиозным связям Запада и Византии.

Историк пытался доказать существование разных путей, которыми шло и развивалось проповедничество в восточной и западной частях христианского мира. «На востоке, в Греции мы находим много ораторских талантов, – отмечал В.Ф. Певницкий. – Между тем при избытке производительности и производительности образцовой там вовсе теоретическим образом не обсуждают церковного красноречия и не думают составлять кодекс правил, которому бы можно было способствовать лучшему и более правильному развитию церковного красноречия»¹²⁸. Поэтому, сравнивая проповеднические произведения греческих отцов с беседами папы Григория Двоеслова, В.Ф. Пев-

¹²⁵ См.: *Bidez J. Jamblique et son école // Revue des études grecques*. 1921. Т. 22. Р. 29–40.

¹²⁶ *Певницкий В.* Из чтений по истории христианской литературы. Философия у христиан в век падения Римской империи (V–VI вв.) // ТКДА. 1864. № 7. С. 369–370.

¹²⁷ Там же. С. 390.

¹²⁸ *Певницкий В.* Гомилетика Св. Григория Двоеслова // 1865. № 1. С. 35.

ницкий считал последние более удобными к их церковному применению из-за своей краткости¹²⁹. Подобные оценки профессора высшего православного духовного заведения вполне характеризуют приемы объективной критики ученого и снимают столь популярные в советской историографии обвинения преподавателей Духовных академий в мракобесии. П.Ф. Певницкий не только признавал, что Восточная церковь с первых дней появления «Пастырского наставления» папы Григория Двоеслова постаралась применить его у себя, а патриарх Анастасий Александрийский по желанию императора Маврикия перевел его для православного духовенства на греческий язык, но и открыто продемонстрировал личное отношение к труду римского понтифика. «Нам приятно заявить свое уважение к силе практической мудрости, выраженной в сочинении о пастырском служении», — подчеркнул православный профессор¹³⁰.

Критический подход к историческому материалу по византийской церковной истории демонстрировали в рассматриваемый период даже те профессора Киевской Духовной академии, которые имели высокий сан. Так, епископ Чигиринский Порфирий (Успенский) (1804–1885), применил вполне современные ему приемы научной критики при отборе и характеристике источников для своего капитального, до сих пор не утратившего значения трехтомного труда «История Афона». Это обширное сочинение было первоначально напечатано в журнале «Труды Киевской духовной академии» (1871) (отдельное издание — в 1877 г.), и для византинистов интерес представляет вторая и третья его части (тома): «Афон христианский, мирский» и «Афон монашеский».

Уже первый параграф второй части «Истории Афона» носит по сути дела концептуальное название — «О необходимости проверки церковных преданий». «Чем досточтимее Афон христианский, тем правдивее должно быть сказание о нем», — указывал автор¹³¹. Он действительно предпринял плодотворную попытку проверить степень достоверности ряда известных афонских источников. Строгой критике ученого было подвергнуто даже знаменитое афонское предание о пришествии Богоматери на Афон. Это предание... — расследовал епископ Порфирий, — «в еллинском подлиннике и в переводах новогреческом и славянском появилось между 1568 и 1659 годами вслед-

¹²⁹ См.: Певницкий В. Проповеднические труды Св. Григория Двоеслова // ТКДА. 1865. № 9. С. 104.

¹³⁰ Певницкий В. Гомилетика Св. Григория Двоеслова... С. 72–73.

¹³¹ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 2. Афон Христианский, мирский // ТКДА. 1871. № 8. С. 335.

ствие ревнивого желания иверогреческих монахов придать своему монастырю глубочайшую древность, и... поводом к нему послужило ходячее народно-монашеское предание о начале христианства на Афоне, со временем исказившееся и смешавшее первое появление иконы Богородицы с личным прибытием ее туда»¹³². Легенда была опровергнута ученым на основе текстологического анализа данных многочисленных источников (труды древних авторов, византийских хронистов, агиографов, «Слова» Константинопольского патриарха Филофея и др.).

Указанные приемы исторической епископ Порфирий успешно применил и для опровержения ряда других афонских легенд, предвосхищая тем самым методику работы лучших отечественных агиологов конца XIX – начала XX вв. (Хр. М. Лопарев и др.). Среди них – предание о том, что еще Константин Великий отдал Афон монахам, переселив его жителей в Пеллопонес и построив здесь два монастыря. Епископ Порфирий не только не нашел в византийских источниках подтверждения этим уверениям, но и убедительно показал, что монашество при Константине распространилось только в Египте, Палестине и Сирии, а в других областях империи, в том числе в Македонии и Константинополе, не было тогда ни одного монастыря. Заселение Афона монахами, – утверждал епископ Порфирий, – произошло лишь в последней трети VII в. вследствие семилетней византийско-арабской войны 670–676 гг., связанного с ней запустения афонских городов, оказавшихся рядом с театром основных военных действий, а также по причине массового переселения местных жителей в Пеллопонес императором Константином Погонатом¹³³.

В качестве доказательства заселения Афона монахами лишь с 676 г. епископ Порфирий привел косвенные данные ряда письменных источников (грамота императора Льва Мудрого, Историческое слово Афоно-Кастамонитского монастыря, Устав афонских монахов, данный императором Иоанном Цимисхием и др.). Исследователь тщательно собрал сведения о всех ранних афонских монастырях (Кастамонитский, Дафнодохиарский, Фтери и т.д.) и на основании собственных археологических разысканий составил описание их размеров. «Первоначально монастыри на Афоне были очень малы, как это доказывают их названия, – указывал ученый. – Ни один из них ничем не прославился; потому что Чет-минья молчит о первоначальном

¹³² Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 2. // NRLF/ 1871/ № 8. С. 355.

¹³³ См.: Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч.2. Афон христианский, мирский // ТКДА. 1871. № 9. С. 482; Ч. 3. Афон монашеский // ТКДА. 1871. № 11. С. 162–163; 168.

монастырском иночестве на Афоне»¹³⁴. Первым же известным монахом епископ Порфирий предлагал считать Петра Афонского, пришедшего туда в 681 году.

Ученый показал роль афонских монастырей в борьбе против иконоборства и установил четкую периодизацию истории Афона, связанную с нашествиями арабов. «...Афон трижды пустел и трижды населялся, — установил епископ Порфирий. — Промежутки между запустениями и заселениями его были весьма кратковременны. Посему предания афонские не прерывались; и им надобно верить, но верить рассудительно»¹³⁵.

Это первое полное исследование истории византийского Афона в отечественной историографии продолжает оставаться уникальным в своем роде вплоть до сегодняшнего дня, когда специальная литература об Афоне заметно выросла. И хотя историческое описание места носило схематический характер и не всегда демонстрировало органическую связь между историей Афона и политической историей самой Византийской империи, тем не менее полнота охвата исследования и строгая критика епископа Порфирия источников несомненны. В определенной степени она образцова, что делает честь ученому.

Современные приемы исторической критики в отношении отдельно взятого источника показал коллега епископа Порфирия по Киевской Духовной академии Н. Петров в статье «О судьбе вена Константина Великого в русской церкви» (1865). Тот факт, что подложность завещания Константина I доказал еще итальянский гуманист Лоренцо Валла, существенно корректировало задачи статьи киевского исследователя. Поэтому, несмотря на название, значительная ее часть была посвящена истории Византийской церкви.

«Само собой разумеется, — писал ученый, — что, вследствие смелых притязаний подложной грамоты Константина Великого папе Сильвестру на восточную церковь, эта грамота не могла быть в подлинном виде принята за канонический документ». В то же время Н. Петров отмечал, что, несмотря на папские притязания, Восточная и Западная церкви в эпоху раннего средневековья были вынуждены под влиянием обстоятельств идти на уступки друг другу. «Эти обстоятельства, — разъяснял автор, — были: со стороны восточной церкви — уяснение предания о проповеди апостола Андрея в Византии и желание церкви греческой примириться с западной, со стороны западной — готовность к соединению с церковью восточной и уступки ей»¹³⁶.

¹³⁴ Порфирий (Успенский), епископ. История Афона. Ч. 3. № 11. С. 174.

¹³⁵ Там же. 198.

¹³⁶ Петров Н. О судьбе вена Константина Великого в русской церкви // ТКДА. 1865. № 12. С. 472.

Н. Петров указывал на то, что предание о проповеди апостола Андрея в Византии и учреждение им греческой церкви с епископом Стахией во главе якобы издревле существовало в Константинопольской церкви. Но других данных об этом привести не мог и поэтому признавал указанное предание малоизвестным. Подлинного источниковедческого поиска к истокам этого апокрифа он не предпринял, ограничившись голословным заявлением. Между тем позиция римских пап изначально сводилась к следующему: патриарх Константинополя стоит ниже папы и даже Александрийского и Антиохийского патриархов, так как Константинопольская церковь не основана кем-либо из апостолов. «В предотвращение подобных укоризн, — отмечал Н. Петров, — восточные отцы и писатели мало-помалу старались уяснить древние предания о проповеди апостола Андрея и открывать следы его проповеди около Византии и в других местах, чтобы таким образом выставить в ясном свете апостольское преемство константинопольской кафедры»¹³⁷. Среди тех, кто стоял у истоков подобного труда, ученый называл автора известного «Жития Св. апостола Андрея Первозванного» Блаженного Епифания, пресвитера и монаха Каллистратова монастыря, но сам же отнес его к VIII веку. Последующие исследования действительно не позволяют отодвинуть сочинение Епифания Монаха раньше конца этого столетия, и, значит, оно не может являться решающим аргументом в пользу апостольства Андрея на берегах черноморских проливов в I в. н. э.¹³⁸

Не замечая этого противоречия, Н. Петров напрямую связывал утверждение апокрифов об Андрее Первозванном с некоторыми уступками римских пап Византийской церкви, причем сдвигал их в еще более раннее время. Среди наиболее значимых уступок он, в частности, называл одобрение в 705 г. папой Иоанном VII всех постановле-

¹³⁷ Петров Н. О судьбе вена Константина Великого... С. 473–474.

¹³⁸ Draseke J. Der Monch und Presbyter Epiphanius // BZ. 1895. Bd. 4. S. 346–362; Dvornik F. The Idea of Apostolity in Byzantium and the Legend of Apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958. P. 225; Чичуров И.С. Литература VIII–X вв. // Культура Византии. Вторая половина VII–XII вв. М., 1989. С. 142; Шевченко І. Релігійні місії очима Візантії // Записки наукового товариства ім. Т.Шевченка. Львів, 1991. Т. 222. Праці історіко-філософської секції. С. 22; Хазанов А. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 1 (5). С. 6; Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности: вопросы источниковедения. М., 1999. С. 358; Auzery M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclésiastique et monastiques grecques // МАИЭТ. 2000. Вып. 7. С. 324–325; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. С. 345.

ний Трулльского собора, подтверждавшего иерархические преимущества Константинопольских патриархов, решения IV Латеранского собора (1215 г.), на котором Иннокентий III отвел Константинопольскому патриарху в церковной организации Европы следующее за римским папой место и т.д.

По мнению Н. Петрова, и уступки Западной церкви Константинопольскому патриарху, и уяснение предания о проповедничестве в Византии апостола Андрея, должны были изменить смысл Константиновой грамоты, сгладить ее резкие притязания. «Преемство от апостола Андрея давало церкви константинопольской почти равные права с римской, — подчеркивал Н. Петров и далее делал парадоксальный вывод. — Поэтому права и привилегии, усвояемые подложной грамотой Константина великого папам, могли относиться и ко всякому православному патриарху»¹³⁹.

Если на примере судьбы «вена Константина» Н. Петров пытался изучать определенную эволюцию во взаимоотношениях Восточной и Западной церквей, то его коллега по Киевской Духовной академии, архимандрит Августин исследовал вопрос, в котором православные и католики не могли найти примирения априори. Этому остающемуся злободневным вопросу была посвящена его историко-догматическая статья «Спор греков с латинянами об опресноках и квасном хлебе в таинстве Евхаристии» (1870).

Этот спор, по верному определению автора, являлся самым важным из отличий католиков и православных после спора об исхождении Святого Духа. Следует заметить, что расхождение в этом вопросе обнаружилось не раньше эпохи Каролингов на Западе, но полемика достигла наибольшей остроты с XIII–XIV вв., хотя на униатском соборе в Феррари — Флоренции в 1439 г. были признаны обе формы хлеба в разных традициях¹⁴⁰. «Как ни многочисленны и разнообразны сочинения, написанные в этом споре с обеих сторон, — отмечал ученый, — но все они выходят из одних и тех же общих и главных положений, только так или иначе, более или менее развивают их»¹⁴¹. Представить эти общие и главные положения, не вдаваясь в подробности спора, и было главной задачей статьи.

Одним из исходных пунктов, служивших доказательством для греческих авторов, было утверждение о том, что Иисус Христос совершил

¹³⁹ Петров Н. О судьбе вена Константина Великого в русской церкви... С. 475–476.

¹⁴⁰ См.: Кунцлер М. Літургія Церкви. Львів, 2001. С. 302–304.

¹⁴¹ Августин, архим. Спор греков с латинянами об опресноках и квасном хлебе в таинстве Евхаристии // ТКДА. 1870. № 12. С. 644.

свою пасху днем раньше иудейской, а иудеи на пасху употребляли только пресный хлеб. «Другим доказательством того, что Иисус Христос установил таинство причащения на хлебе квасном, греческие писатели находят в самом названии этого хлеба», – указывал ученый¹⁴². «Кроме несогласия с Священным писанием и преданием, греки в употреблении латинянами опресноков находили еще жидовство и аполлинаризм, а латиняне в употреблении греками квасного хлеба открыли манихейство и оригенизм... Некоторые из греков в пылу увлечения, – недоумевал автор, – употребление опресноков называли прямо учреждением языческим и жертвоприношением демонским»¹⁴³. Таким образом, даже будучи представителем православной церковной иерархии, архимандрит Августин постарался соблюсти принцип исторической объективности. Помимо латинян, он критиковал и греков за то, что они «прибегали подчас к крайностям и допускали странности». «Много лишнего, неверного, натянутого, преувеличенного, даже фантастического высказано и обнаружено в этом споре и с той, и с другой стороны, – указывал автор в заключении, – но преимущество исторической правды – все-таки на стороне греков, а не латинян»¹⁴⁴.

Научная объективность и беспристрастная оценка деятельности ярких представителей Византийской церкви превалировала и в очерке выпускника Киевской Духовной академии Г. Недетовского «Варлаамитская ересь» (1872). Эту ересь автор считал «одним из наиболее замечательных явлений в истории константинопольского патриархата XIV в.», отметив при этом, что она была принесена с Запада «или, по крайней мере, произведенная западниками»¹⁴⁵. Стоявшего у истоков этой ереси Варлаама ученый называл одним из самых просвещенных людей своего времени и подкреплял свои рассуждения на этот счет данными византийских источников XIV в., в первую очередь «Истории Иоанна Кантакузина».

Г. Недетовский тщательно проанализировал и литературное наследие самого Варлаама. При этом исследователь установил, что ранние работы калаврийской ученого подвижника в защиту православия против католиков не были единственным направлением его деятельности на благо Византии. «Он известен еще как деятельный агент со стороны Византии по делу о соединении церквей, – отмечал автор. – В этом деле, впрочем, он хлопотал не в одних только церковных интересах, но и в интересах государственных»¹⁴⁶.

¹⁴² Августин, архим. Спор греков с латинянами... С. 657.

¹⁴³ Там же. С. 669.

¹⁴⁴ Там же. С. 656, 670.

¹⁴⁵ Недетовский Г. Варлаамитская ересь // ТКДА. 1872. № 2. С. 316.

¹⁴⁶ Там же. С. 320.

Переход Варлаама из лагеря защитников православия в лоно его обличителей ученый связывал с полемикой между сторонниками Григория Паламы и Варлаамом после критики последним крайностей теории и практики восточного подвижничества у монахов Фессалоникийского монастыря. Среди византийских сторонников Варлаама Г. Недетовский называл богослова Акиндина, епископа Фессалоникийского Димитрия и других, по выражению автора, «мыслящих греков». «Сама ересь его не заключала в себе никаких элементов католического вероучения, – указывал в заключении Г. Недетовский. – Это просто – плод пытливого рассудка». В связи с этим автор полагал, что «нет серьезных оснований слишком строго судить Варлаама за его ересь и не совсем справедливо было бы приписывать ему лично особенно важное значение в церковных нестроениях константинопольского патриархата»¹⁴⁷. Отметим, что мнение на этот счет выпускника Киевской Духовной академии позапрошлого века во многом сходно с воззрениями на варлаамитскую ересь в современной византинистике. Представителем «гуманистического лагеря» и противником иррационализма и мистики паламитов называет Варлаама И.П. Медведев¹⁴⁸. «Антиинтеллектуалами» и противниками идей гуманизма, против которых боролся Варлаам, называл Паламу и его сторонников британский исследователь С. Рансимен¹⁴⁹.

К работам по истории Византии, подготовленных в украинских землях Российской империи в рассматриваемый период, можно отчасти отнести и докторскую диссертацию профессора Киевской Духовной академии И.И. Малышевского (1828–1897) «Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви» (1872). И хотя хронологически работа выходила за рамки периода существования Византийской империи (Мелетий Пигас родился между 1535 и 1540 гг.), тем не менее, она представляет интерес с точки зрения выяснения причин ослабления и полного краха Византии, а также взаимоотношений Восточной и Западной церквей.

Среди причин падения империи И.И. Малышевский выделял не только внешний, османский фактор. Ромеям и прежде приходилось вести перманентные войны, из которых они выходили победителями. Следовательно, военный прессинг турок нельзя считать определяющим. «Бесспорно, много виноваты и греки, – отмечал он. – Демора-

¹⁴⁷ Недетовский Г. Варлаамитская ересь. С. 357.

¹⁴⁸ См.: Медведев И.П. Особенности философской мысли в Византии XIV–XV вв. // Культура Византии. XIII – первая половина XV вв. М., 1991. С. 244, 246.

¹⁴⁹ См.: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 18; Ср.: Meyendorff J. Introduction a l'etude de Gregoire Palamas. Paris, 1959.

лизация Византии, приблизившая падение ее, сделалась таким общим местом в истории, что повторять обычные тирады излишне... Словом, моральные силы византийцев были недостаточны для крепкой борьбы за права церкви»¹⁵⁰. Таким образом, истоки затянувшейся исторической драмы историк предлагал искать в перестройке общественного сознания, предвосхищая тем самым методику новой исторической школы задолго до ее оформления.

Церковь в Византии ученый считал главной опорой государства, власть патриарха, по его словам, была «пространственно гораздо шире царской», а потому в историческом экскурсе византийско-латинских отношений он особенно выделял стремление папства нанести поражение «греко-восточной схизме для подготовки власти Рима на всем Востоке»¹⁵¹. Одной из форм этой борьбы Запада против греко-православной церкви ученый считал церковные унии XIII–XV вв., хотя и признавал, что подобные предложения, во-первых, шли со стороны императоров самой Византии, а во-вторых, Палеологов поддерживала в этом влиятельная партия греков-латинофранков. «Но нельзя не сознаться, – писал И.И. Малышевский, – что у некоторых латинофранков примечается и некоторое убеждение в превосходстве не только внешней силы латинян, но и свойств общественного и нравственного развития их, обещавших им будущность, которой не видели для своего отечества разочарованные столькими несчастьями греки»¹⁵². Эта важная мысль вовсе не изобличала в профессоре православной Киевской Духовной академии сторонника сближения с католической церковью.

Далее повествование И.И. Малышевского приобретает уже иной характер: он акцентирует внимание читателей на том, что латинофранки были не более чем партией, чьи идеи не получили в народе и особенно в Церкви Византии преобладающих настроений. Что же касается гипотетической помощи Запада в случае полного успеха тех церковных уний, которые ученый подробно описал, он как исследователь был категоричен: «Не может быть ни малейшего сомнения, что ради унии латиняне не отдали бы грекам того, чем уже владели в Греции, что если бы они помогли им спасти остальное от турок, то это последнее досталось бы самим же латинянам, а не грекам-униатам, которые могли бы быть разве покорными вассалами первых»¹⁵³. Та-

¹⁵⁰ *Малышевский И.И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви. Киев, 1872. С. 6.

¹⁵¹ Там же. С. 27.

¹⁵² Там же. С. 31.

¹⁵³ Там же. С. 34.

ким образом, по мысли автора, османское завоевание оказалось все же меньшим злом для греческого народа, поскольку это завоевание не отняло у них той православной церкви, которую наверняка отнял бы Запад. Тем самым И.И. Малышевский полностью разделял позицию современника и противника унии Марка Эфесского, считавшего, что Византии лучше покориться туркам, чем католикам, спасая не тело, но душу. Обзор сочинений этого, а также ряда других авторов – свидетелей последнего периода существования Византийской империи – Леонарда Хиосского, Агаллиана, Георгия Франдзи и др., безусловно, усиливал основательный источниковедческий аспект диссертации И.И. Малышевского.

Подводя общий итог развития византистики в южных (украинских) губерниях Российской империи в 1804–1874 гг., необходимо подчеркнуть, что исследования, в той или иной степени посвященные истории Византии, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода и отличались разнонаправленностью, которую на первый взгляд легко спутать со случайностью тематики. При отсутствии отдельных научных школ византистики на Юге России, центрами византиноведческих исследований здесь становились высшие учебные заведения – Харьковский, Киевский, Одесский университеты и Киевская Духовная академия. Культурная и конфессиональная близость, поиск исторических аналогий и путей развития Российской империи были определяющими факторами, влиявшими на научные интересы ученых. Хронологически исследования охватывали все периоды существования Византии, однако основная их масса была посвящена периоду IV–XI вв. Ученые были достаточно профессионально подготовлены для того, чтобы работать с источниковой базой раннесредневекового периода, в которой по понятным причинам доминировал комплексный подход к письменным памятникам, но лишь периферийно присутствовали результаты археологических наблюдений. В проблемном плане выделяются три больших группы исследований: краеведческие работы по истории тех территорий Украины, которые в свое время входили в состав Византии (именно в них доминировал анализ вещественных памятников); работы по истории византийско-славянских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь; работы, посвященные внутривизантийской и церковной истории Византии. В исследованиях по церковной истории Византии, даже богословских, обращает на себя внимание прогрессивная тенденция: изображать православно-католические отношения с позиций исторической объективности, подвергая зачастую обоснованной критике позицию не только ино-, но и единовер-

цев. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории Византии внесли Н.Н. Мурзакевич, А.П. Зернин, Н.А. Лавровский, В.С. Иконников, епископ Порфирий (Успенский). В сравнении с состоянием византистики в других областях Российской империи это был немалый потенциал, столь раннее появление которого, видимо, отчасти объяснимо особой близостью украинских земель к их византийскому прошлому, к ауре ушедшего ромейского мира. Вместе с другими исследователями эта плеяда ученых заложила здесь в 1804–1874 гг. тот фундамент византиноведческих исследований, на основе которого развивалось затем многогранное творчество выдающегося отечественного византиста Ф.И. Успенского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
БИ – Боспорские исследования
ВВ – Византийский временник
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии
Таврии
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
СА – Советская археология
ТКДА – Труды Киевской Духовной академии
УИ – Университетские известия
ЦНБ ХНУ – Центральная научная библиотека Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
BZ – *Byzantinische Zeitschrift*
DOP – *Dumbarton Oaks Papers*

HISTORY OF BYZANTIUM IN WORKS OF SCHOLARS FROM SOUTH LANDS OF RUSSIAN EMPIRE IN 1804–1874

S.I. LIMAN, S.B. SOROCHAN

The article dwells on the period of formation and strengthening of scientific Byzantine studies in Ukrainian lands of Russian Empire (1804–1874) – from foundation of Kharkiv University up to transfer of prominent domestic Byzantinist F.I. Uspenskiy to Odessa University. The studies of South Russian scholars embraced all periods of existence of Byzantium. The most valuable contribution to research in Byzantine history was made by N. Murzakevych (Byzantine and Genovese policy in Crimea), A.P. Zernin (deeds of Emperors Basil the Macedonian, Constantine Porphyrogenous, Patriarch Photias), N.A. Lavrovskiy (study of Russian-Byzantine treaties), V.S. Ikonnikov (prob-

lems of cultural. Confessional, legal political influence of Byzantium on Rus), P. Uspenskiy (history of Athon monasteries). Three large groups of problems were mostly treated: country studies on history of South Russian territories that had been part of Byzantium; works on history of Byzantine-Slavic relations; works devoted to history of Byzantine internal policy and church.